

ЛИЗ ФИЛДИНГ

Приключения англичанки в Милане

Лиз Филдинг

**Приключения
англичанки в Милане**

«Центрполиграф»

2015

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Coe)

Филдинг Л.

Приключения англичанки в Милане / Л. Филдинг —
«Центрполиграф», 2015

ISBN 978-5-227-06749-4

Начинающий дизайнер Анжелика Эмери переезжает в Милан, чтобы начать новую жизнь и открыть собственное ателье. Столица мировой моды встречает ее неласково – идет снег, а вместо симпатичного дома, где она сняла апартаменты, Джели оказывается на стройплощадке. Решив, что ошиблась адресом, девушка заходит в кафе и знакомится с его владельцем Данте Веттори. Выясняется, что Джели стала жертвой мошенников, которые не только сдали ей несуществующую квартиру, но и сняли все деньги с ее счета. Данте помогает англичанке справиться с проблемами и сделать первые шаги навстречу мечте. Однако на их пути к совместному счастью слишком много препятствий, а страх разбить свое сердце оказывается сильнее любви...

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)

ISBN 978-5-227-06749-4

© Филдинг Л., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Филдинг Лиз
Приключения англичанки в Милане

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

* * *

Глава 1

*Жизнь, как мороженое в жаркий день. Наслаждайся им, пока не растаяло.
(Из маленькой книжки Розы про мороженое)*

Поздним вечером Джели вышла из метро «Порта Гарибальди» в Милане. Моросил противный дождик. Последний небольшой участок пути она собиралась проделать на такси, но сегодня, как назло, все словно сговорились ставить ей палки в колеса. Ни одной машины.

Кошмар.

Когда она уезжала из Лонгбурна, стояла мягкая погода с явными приметами весны. Джели наивно полагала, что в Италии будет теплее, как обещали напоенные солнцем картинки в телепрограммах о туризме. Если бы хватило ума посмотреть погоду в Милане, она надела бы под платье термо, а не кружевное белье и леггинсы поверх тонюсеньких колготок, да и на шею повязала что-нибудь более плотное, чем кружевной шарфик. Да уж, одежда не самая практичная, но ведь она летела в Милан – Мекку европейского стиля, где жители надевают спортивные штаны только на пробежку, а женщины-полицейские носят высокие каблуки.

Желая произвести впечатление, она упустила тот факт, что Милан – это север Италии. Где горы. И судя по тому, что она видела, довольно сыро.

О'ке-ей.

Если верить информации в Интернете, ее апартаменты в десяти минутах ходьбы от метро. Десять минут можно и потерпеть. Зато с шиком.

Сверившись с картой, Джели определила, куда идти, натянула на голову широкий капюшон, чтобы прикрыть уши, начинавшие подмерзать, повесила на плечо большую кожаную сумку и двинулась вперед, волоча за собой чемодан. Новая страна, новая жизнь.

В отличие от замужних сестер, быстро расширявших свой бизнес по производству и продаже мороженого, Джели устремилась в неизвестность. С итальянским разговорником и массой идей настроилась хватать любой шанс, который предложит судьба. Наряду с нервным возбуждением от предвкушения неизвестности ее охватил некоторый страх. Ничего удивительного.

Джели могла сколько угодно носить странную одежду и иметь собственную «позицию», это не меняло того, что в большой мир она вырвалась впервые. Ну да, в Италии она уже бывала, правда, в учебной поездке и со знакомыми ребятами. Теперь же она здесь сама по себе, без любящих родственников, готовых поддержать в любой момент, если споткнется. Поднять, если упадет. Поездка, чтобы проверить себя.

– Scusi!

– Простите, м-м-м, *scusi*. – Джели оттащила чемодан в сторону, давая пройти спешащему пешеходу, подняла глаза и в свете уличных огней увидела яркую цветную картину – тропический пейзаж, написанную прямо на скучной бетонной стене. У нее захватило дух.

Забыв о ледяной изморози, она замерла от восторга и тут же вспомнила, почему выбрала Италию. Милан. Изола.

В ту самую минуту, когда, открыв журнал, прочитала про этот анклав художников, музыкантов и дизайнеров, она и попалась. Вот место, где можно расправить крылья, расширить представления о моде, найти свое место в мире искусства и даже, возможно, влюбиться. Не всерьез, не навсегда. Так, для развлечения.

Через десять минут лицо застыло от холода, поскольку капюшон предназначался скорее для красоты, чем для тепла, и ледяная сырость проникала внутрь. Джели окончательно сбилась с пути, да и ноги отказывались повиноваться.

В голове с обидной ясностью возник образ старшей сестры Элли, укоризненно качающей головой. «*Какая же ты нетерпеливая, Джели! Почему не дождалась такси*».

Да потому, что это *приключение!* И адрес показался достаточно простым. Джели подсчитала, сколько раз надо свернуть, проверила название улицы и, повернув направо, рассчитывала оказаться у дома, где находились ее апартаменты. Но этого не случилось.

Вместо розового пятиэтажного дома на углу улицы с другими не менее симпатичными домиками и ярмаркой она увидела высокий деревянный забор, окружавший стройплощадку.

Без паники. Наверняка она просто пропустила свой поворот. Джели видела пару закоулков, но те показались слишком узкими, не похожими на улицу, указанную на карте. Видимо, она ошиблась.

Вернувшись, девушка пересчитала все повороты и свернула в переулок, достаточно широкий, чтобы мог проехать «фиат-500». Переулок заканчивался крохотной площадкой, заваленной коробками и освещенной тусклой лампой. В темноте что-то зашевелилось, одна коробка упала, Джели быстро отскочила назад. Какие-то люди, проходившие мимо, посмотрели в ее сторону.

– *Scusi*.

Ветер, обдавший лицо изморозью, унес ее слова прочь.

Надо еще раз заглянуть в карту. Нырнув под навес над дверью запертого магазина, Джели принялась рыться в сумке в поисках мини-фонарика, который на прощание подарил ей муж сестры – заядлый путешественник. Принимая подарок, она напонила, что едет не в джунгли, а в один из крупнейших городов мира. Тот ответил, что, судя по опыту, разница не велика. Внезапно ноги коснулось что-то мокрое и пушистое. Джели нервно взвизгнула. Один-ноль в пользу путешественника. Жалобное мяуканье придало смелости, яркий луч фонарика выхватил из темноты крошечного промокнутого насквозь котенка, свернувшегося у двери.

– Привет, малыш. – Она ласково протянула к нему руку. Котенок испуганно попятился. – Ты слишком мал, чтобы сидеть в одиночестве среди ночи.

Бедняга, куда более мокрый и замерзший, чем она, согласно мяукнул в ответ. В аэропорту Джели купила сэндвич с сыром, но от возбуждения так и не смогла съесть, поэтому, отломив кусочек, протянула малышу. Голод пересилил страх, и тот, взяв у нее из рук еду, с восторгом оближал масляные пальцы. Она отломилла еще кусочек и снова уткнулась в карту. Непонятно, где она ошиблась.

Звонить синьоре Франко, хозяйке апартаментов, очевидно, не выход. Ее английский под стать итальянскому Джели – энтузиазма много, толку мало. Хотелось оказаться в одном из знаменитых кафе или баров Изола, там, где тепло, сухо и есть люди, хорошо знающие этот район. Поэтому она двинулась по улице.

Мяукнул котенок позади, Джели вздохнула. Малыш слишком мал, чтобы пережить такую ночь на улице. Некоторые вещи неизменны, где бы ты ни находился.

Она подхватила котенка, тот завопил от страха, Джели сунула его в карман пальто. Завтра она вернется и попробует найти кого-нибудь, кто мог бы позаботиться о малыше, а сейчас надо попрактиковаться в итальянском. Джели без труда вспомнила вопрос, который должна задать: «*Dov'è Via Perone?*» Сложнее понять ответ. Убрав фонарик вместе с бесполезной картой, она пошла к метро.

На фотографиях, которые она видела, стояло лето, на улицах играли джаз, в садах и парках собирались пообщаться местные жители. В модных кафе было многолюдно. Красота.

Но сейчас явно не то время дня и не то время года. Даже знаменитый миланский променада закрыт.

Однако, уловив обрывки музыки, Джели поспешила за угол, в дальний конец площади, где сквозь запотевшие окна пробивался свет.

Это оказалось кафе «Роза», знаменитое своим джазом, коктейлями и сборищем местных художников, превративших его стены в картинную галерею. Вне себя от радости Джели прошла по скользким булыжникам и толкнула входную дверь. Ее мгновенно окутало тепло, аппетитные запахи и чудесная музыка в исполнении квартета, разместившегося на маленькой сцене в углу. За столиками люди ели, пили и разговаривали. Высокий брюнет, облокотившись на стойку бара, беседовал с бариста.

Даже министерство туризма Италии не могло бы придумать более привлекательной сцены. Несмотря на холод, Джели ощутила прилив радостного возбуждения. Несколько голов повернулись в ее сторону, шум голосов замер, в тишине раздавался лишь ритмичный низкий звук контрабаса. Мужчина у стойки бара повернулся, желая понять, что привлекло всеобщее внимание. Возбуждение сменилось всплеском грубого первобытного желания, внезапной всепоглощающей тягой к мужчине еще до того, как она услышала его голос, ощутила прикосновение, узнала имя.

На мгновение, пока Джели пыталась вздохнуть, показалось, что кто-то на сцене нажал кнопку «Пауза», и все звуки замерли, фиксируя момент. Остались лишь приглушенный свет, отражавшийся в полированной стали, стекле бутылок и бокалов, и ее, похожее на призрак, лицо в зеркале. И он. Мистер Италия с его ртом, зовущим к поцелуям, и глазами, приглашавшими в постель. Не говоря уже о густых черных волосах и высоких скулах. Но главное – темно-шоколадные глаза, мгновенно заворотившие ее. Помести такой взгляд на рекламный постер в каком-нибудь турагентстве, и ажиотаж на поездки в Италию гарантирован.

Мужчина выпрямился, ее взгляду предстали широченные плечи и сильные руки.

– *Signora*. – Он отодвинулся, давая ей подойти к стойке.

О, радость, его голос оказался под стать лицу и фигуре.

Еще немного, и Джели упала бы в обморок, но в этот момент спортивного вида блондинка поставила перед ним маленькую чашечку эспresso, очевидно, не осознавая, что обслуживает самого бога. Он отвернулся.

– *Sta nevicando? E brutto tempo*¹.

Что? Ох!

От расстройства, что слышит фразы, выходящие за пределы курса разговорного итальянского, Джели выбрала самый безопасный вариант и сняла капюшон. Потом, послав ногам недвусмысленный приказ «*вперед!*», наконец поставила чемодан и подошла к стойке.

– *Cosa prendi, signora?*²

Ура! Наконец что-то понятное.

– М-м-м. *Vorrai un espresso, s'il vous plait*³. – Чудовищная смесь английского, итальянского и французского. – Нет, то есть... – *Вот черт!*

Блондинка улыбнулась и ответила на английском с сильным австралийским акцентом:

– Не волнуйтесь. Я все поняла.

– О, слава тебе господи, вы англичанка. Нет! Простите, австралийка. – С болезненной остротой ощущая опасное соседство мужчины, Джели попыталась принять вид спокойной искушенной женщины-космополитки, с которым намеревалась покорять Милан. – Тогда, может, мне повторить, что я хотела?

– Не надо. Я принесу ваш эспresso. Вы только что приехали в Изолу?

---

¹ Идет снег? И погода плохая (*ит.*).

² Чего изволите, синьора? (*ит.*)

³ Хотеть эспresso, сильву пле.

– Да, в Изоле, в Милан и вообще в Италию. Я изучаю итальянский. Кое-чему научилась, когда студенткой приезжала в Тоскану. В школе учила французский, и теперь, когда волнуюсь, он первый из иностранных языков приходит в голову.

На самом деле голова шла кругом от соседства с мистером Италия.

– Через неделю это пройдет. Желаете еще чего-нибудь?

– Вы не поможете мне сориентироваться? – Джели изо всех сил старалась игнорировать тот факт, что не только голова, но и все ее существо затрепетало в ответ на мощный поток феромонов, исходивших от него. Будто ее атаковала стая бабочек. Она сочла за лучшее не смотреть на него.

А он? Смотрит на нее?

– Вы заблудились, *signora*?

На итальянском его голос звучал невероятно сексуально. Однако от безупречного, преувеличенно акцентированного английского у нее по спине побежали мурашки. Джели вздохнула, не без труда вспомнив, зачем она здесь.

– Не то чтобы заблудилась. – Достав из сумки карту с указанием адреса, она положила ее на барную стойку и повернулась к нему, собираясь объяснить, что произошло. Но, встретившись с глазами, пристально смотревшими из-под вопросительно приподнятых бровей, почувствовала, что не может ничего сказать ни на каком языке.

– Нет?

Мужчина явно привык к тому, что женщины теряют дар речи в его присутствии. Небрежная поза и взгляд заставляли чувствовать себя его собственностью, все в нем кричало об опасности.

Не успев появиться в Изоле, Джели уже представила, как славно могла бы развлечься с мистером Италия. Судя по взгляду, он думал о том же.

Не так ли все произошло в первый раз с ее матерью? Один взгляд мускулистого парня, и она пропала.

– Я точно знаю, где нахожусь, *signor*. – Она смотрела прямо в эти манящие темные глаза. Чтобы не осталось сомнения, даже ткнула в точку на карте кончиком пальца.

– Нет. – Он обхватил длинными пальцами ее руку и перенес палец на несколько дюймов вправо. – Вы вот здесь.

Теплая рука обжигала ее холодную кожу. Внешне все выглядело обманчиво спокойно, но внутри нее, словно в жерле вулкана, бурлила жидкая лава, грозившая вырваться наружу.

Она с трудом сглотнула.

– Неужели?

Джели привыкла к тому, что на нее смотрят, с девяти лет стала центром внимания. Люди удивленно приподнимали брови. И ей это нравилось. Но взгляд этого человека прожигал насквозь. Испугавшись, что снежная каша, тающая на ногах, вот-вот закипит, она снова уставилась в карту. Это не помогло. Нисколько. Его ладонь по-прежнему лежала на ее руке, длинные смуглые пальцы казались особенно мужскими на фоне светлой кожи. Джели невольно задумалась, как бы они смотрелись у нее на груди. Каково это, ощущать их.

Под слоями черных тканей – пальто, платье, кружевной бюстгальтер – напряглись соски, в унисон с воображением посылая всему ее существу призывные сигналы. Джели прикусила губу, чтобы не всхлипнуть.

Дыши, дыши!

Кашлянув, прочищая горло и надеясь, что голос звучит спокойно, она сказала:

– На карте эти две площади очень похожи. К несчастью, мне не нужна ни одна.

– И все же вы здесь.

Да, она здесь, замороженная глазами более темными, чем ее эспрессо.

Кафе будто растворилось. Яркие этикетки на бутылках, позвякивание приборов, низкий звук контрабаса превратились в расплывчатый фон красок и звуков. Все чувства сосредоточились на прикосновении его пальцев, сомкнувшихся вокруг ее руки, на блестящих глазах, в которых она видела свое отражение. На миг все замерло, потом он резко отвернулся, выпустив ее руку, и выпил эспresso одним глотком.

Джели ждала ощущения собственной власти, которое вселялось в нее всегда в подобных ситуациях. Впервые в жизни она не чувствовала себя победительницей. *Пропала.*

– Куда вы направляетесь, *signora*?

– Вот сюда. – Она опустила взгляд, но чернила расплылись, оставив на месте названия улицы грязное пятно.

– Назовите адрес, и Данте покажет вам, как пройти, – предложила бариста, ставя перед ней эспresso. – Он знает Изолу как свои пять пальцев.

– Данте? Как в «*Инферно*». – Неудивительно, что он такой. Заметив понимающую улыбку баристы, она поспешно добавила: – А может, его мама была поклонницей прерафаэлитов?

– Вы приехали в гости? – Он не ответил на вопрос.

– Нет. – Джели мысленно шлепнула себя по лбу за то, что сказала не подумав. Должно быть, он слышал это тысячу раз. Она быстро замотала головой. – Я приехала работать и сняла апартаменты на год. Джели Эмери. – Она протянула ему руку, не думая о последствиях.

Он сжал ее.

– Данте Веттори. – Произнесенное с сексуальным итальянским акцентом, его имя звучало, как песня соблазна. – Вас зовут Джеле. Как ту трясущуюся штуку, которой англичане кормят детишек на дне рождения?

Ладно, видимо, это ответ на ее дурацкое замечание про «*Инферно*».

– Или добавляют в сэндвич с арахисовым маслом, если говорить об американцах? – Это определенно один из шансов, которые она поклялась хватать обеими руками.

– *E possible*. – Его губы изогнулись в улыбке. – Но я подозреваю, что нет.

С такой улыбкой он мог называть ее как угодно.

– И правильно подозреваете. Джели – сокращение от Анжелики. Знаете, есть такое растение – *angelica archangelica*? Мне говорили, оно очень даже красивое. – Она улыбнулась. – Возможно, вам оно больше известно в виде засахаренных стеблей. Англичане украшают им пироги и бисквиты и подают детям на день рождения.

Его густой теплый смех сопровождался появлением лучистых морщинок вокруг глаз, подчеркивавших потрясающие скулы, и привлекал внимание к губам, которые так и хотелось поцеловать.

В попытке обрести контроль Джели проглотила эспresso одним глотком. В итальянском стиле. Он оказался горячее, чем она ожидала. Она едва выдержала, когда густая жидкость обожгла горло.

– Я хотела взять такси. – Голосовые связки болели от горячего кофе, произносимые слова больше походили на писк. Откашлявшись, она попробовала еще раз. – К сожалению, у Порты Гарибальди не нашлось ни одной машины, а в описании апартаментов говорилось, что Виа Пепоне всего в десяти минутах ходьбы.

– Как только портится погода, такси не сыщешь днем с огнем, – отозвалась бариста, пока Данте, нахмурившись, перевернул бумажку с описанием апартаментов на другую сторону, глядя на фотографию симпатичного розового домика. – Добро пожаловать в Изолу, Джели. Я Лиза Веттори из австралийской ветви нашего клана. Данте он мой кузен, и, хотя – стоит по ту сторону стойки, кафе «Роза» принадлежит ему.

– Я плачу тебе немалые деньги, чтобы иметь возможность стоять с этой стороны, – напомнил он.

– Пользуйся этим, приятель. Во вторник я буду подружкой невесты на свадьбе в Мельбурне. И если не пошевелишь задницей, чтобы подыскать мне временную замену, в воскресенье придется близко познакомиться с кофе-машиной. А у вас уже есть работа, Джели?

– Работа?

– Вы сказали, что приехали работать. Когда-нибудь работали в баре? Правда, это только на время.

– Вы весь день провели в поездке и, очевидно, голодны. – Данте перебил кузину. – Подай нам ризотто, Лиза. – И направился к столику в тихом углу.

Глава 2

*Если у тебя проблемы, нет ничего лучше, чем добрый друг, разве что добрый друг с мороженым.
(Из маленькой книжки Розы про мороженое)*

От удивления Джели не двинулась с места. Допустим, он решил флиртовать серьезно, но выглядит это несколько самонадеянно. Данте ждал, когда она присоединится к нему. И, да, выглядел ну очень самонадеянно. Неужели действительно думал, что она так просто пойдет за ним?

– Анжелика?

Никто не называл ее полным именем, но Данте произнес букву «ж» так мягко, что ей показалось, будто на языке тает шоколад. Сознание по-прежнему твердило: «*О, пожалуйста*», – а тело само двинулось к нему, словно он потянул невидимую цепочку.

– Дайте мне ваше пальто, повешу его посушить.

Поздно. Она могла бы пойти своей дорогой, но для этого нужен был адрес, разумнее сделать то, что он сказал. Она положила на стул сумку и, бросив на стол перчатку, принялась стягивать вторую. Медленно, палец за пальцем, снимая ее, вдруг поняла, что существуют разные способы овладеть ситуацией. У цепочки обнаружился второй конец, и теперь Данте как замороженный следил за ее медленными движениями. Освободившись от второй перчатки, она, не отрывая взгляда от Данте, расстегнула маленькие черные пуговицы пальто. Не меньше дюжины. Джели начала снизу. Одна, две, три. Его глаза ни на секунду не отрывались от нее, пока все слои бархата, кашемира и мягчайшей замши от колен до туфель не разошлись в стороны, открыв черное мини-платье с круглым вырезом на четыре дюйма выше колена. Пульс стучал в ушах, дыхание почти прекратилось.

Она помедлила еще секунду, повернулась, пальто соскользнуло с плеч. Данте подхватил его.

Поблагодарив, Джели выгнула бровь с выражением «*ну что, попался?*», несомненно, означавшего, что следующий ход за ним, и она готова к любому шагу с его стороны. Но когда взгляд утонул в бархате его глаз, Джели забыла обо всем.

Он стоял так близко. Она чувствовала его теплое дыхание на щеке, его рот был в нескольких дюймах от ее лба. Ей уже представлялось, как она сжимает губами его соблазнительную нижнюю губу. Разжигает в нем огонь. Желание сгореть дотла.

Внезапное звяканье столовых приборов вывело обоих из транса. Джели моргнула, Данте опустил взгляд на ее пальто, будто недоумевая, откуда оно взялось:

– Я повешу его на обогреватель, чтобы высохло.

– Ты что, с ума сошел? – Лиза выхватила пальто. – Нельзя вешать такую вещь на радиатор, как какой-нибудь старый дождевик. Пальто стоит целое состояние и нуждается в деликатном обращении. – Она посмотрела на бирку. – «Темный ангел». Ангел? Неужели это вы?

– Что? Ах да. – Джели радовалась, что ее отвлекли. Лечь с мужчиной в постель ради развлечения – это одно. Вляпаться во что-то более серьезное – совсем другое. Это не входит в ее планы. – «Темный ангел» – это моя марка.

– Вы дизайнер одежды?

– Не совсем. Я делаю эксклюзивные вещи в единственном экземпляре. По образованию художник, но одеждой занималась всю жизнь. В конце концов получилось нечто среднее.

– Одежда как произведение искусства? – Лиза улыбнулась. – Мне нравится.

– Надеюсь, вы не единственная.

– Ни в коем случае. Пальто – просто чудо. А шарфик тоже ваш? Или это винтаж?

– Я сделала его из разных старых остатков, платье сшила из того, что нашла на церковной распродаже. – Если этот разговор затянется, не видать ей Данте Веттори. – А ткани для пальто собирала в течение нескольких лет.

– Вот это да. Значит, теперь вы собираетесь устроиться здесь? Что ж, апсайклинг в Изоле действительно на подъеме.

– Поэтому я и приехала. Хочу работать с людьми, которые занимаются такими же вещами.

– А я предложила вам встать за стойку. Если у вас есть что-то, что хотите выставить, уверена, Дэн найдет для этого местечко. – Она бросила взгляд на Данте, но тот ее не поддержал. – Ладно, поищу, куда бы это повесить. Джели, там что-то шевелится. О господи! – Она вскрикнула и, забыв о ценности пальто, бросила его на пол и отскочила. – Там крыса!

Звуки музыки оборвались на середине ноты. Все посетители мгновенно перестали есть, пить и болтать и повернулись к ним.

Когда перепуганный котенок в смятении бросился бежать, в кафе началось настоящее столпотворение. Мужчины повскакали со своих мест, женщины полезли на стулья.

– Все в порядке! – крикнула Джели и, нырнув под стол, схватила его, пока какой-нибудь мужчина в тяжелых ботинках не затоптал несчастное создание. Малыш испуганно сжался и, прежде чем она успела перехватить его, вонзил маленькие острые зубки в ее палец. – Это котенок! – Слова не возымели должного эффекта, и Джели в отчаянии добавила: – *Uno kitty!*

И подняла малыша, чтобы все увидели. Он успел высохнуть в своем маленьком убежище, но все равно смотрелся жалким серым комочком, не больше ее ладони. Это не сильно успокоило публику, какая-то женщина нервно вскрикнула. Данте обхватил Джели за талию и вместе с котенком потащил к задней двери. Дверь захлопнулась, и они вдруг оказались в полной тишине.

– *Uno kitty?* – возмутился он.

– Я не знаю, как по-итальянски «котенок». – Ее потрясло столь стремительное развитие событий.

– Он называется *gattino*. Но Лиза права, это жалкое существо больше похоже на мокрую крысу.

Существует на свете слово, которое бы никогда не хотелось слышать тем, кто связан с едой. *Крыса*.

– Извините, я подобрала его на улице. Он промок и весь дрожал, замерзал. Я не смогла его там оставить.

– Может, и так, но санитарной полиции все равно – крысы или кошки.

– Я понимаю. Мои сестры занимаются поставкой мороженого. – Случись такое у них, они бы ее прибили. – Я зашла спросить дорогу и не собиралась задерживаться.

Кто знал, что у нее случится такое помутнение рассудка.

Джели собиралась извиниться еще раз, но в это время открылась дверь, и Данте обернулся. Появилась Лиза с пальто, сумкой и чемоданом Джели.

– Тебе удалось их успокоить?

– Обещанием бесплатной выпивки всем, иначе никак. Бруно сейчас этим занимается.

– Это я виновата. Я за все заплачу.

– Нет, – в один голос сказали Лиза и Данте, Лиза добавила: – Первое правило в ресторанном бизнесе: если увидел крысу, не кричи. Второе – не говори: «*Это крыса*». К сожалению, когда я почувствовала шевеление, а потом увидела что-то серое, я... Боже мой, Джели, у вас кровь.

– Ерунда. Бедняжка просто испугался.

– Этот бедняжка болтался неизвестно где и ел неизвестно какую дрянь. Пойдемте наверх, я обработаю ранку.

– Все нормально. Честно. – Джели серьезно встревожилась. – Уже поздно, и синьора Франко, у которой я сняла апартаменты, ждет меня с ключами. Надо бы позвонить ей и сообщить, что мой самолет задержался. У нее с английским еще хуже, чем у меня с итальянским.

Джели посмотрела на часы. Она обещала сообщить сестрам, когда доберется до дома, а на часах уже было за десять. Конечно, она предупредила, что вылет задержали, но если в ближайшее время не послать им эсэмэс, они подумают бог знает что.

– Насчет синьоры Франко можете не беспокоиться.

– Да, но...

– Виа Пепоне полностью снесли, чтобы строить офисный центр. Я надеялся сообщить вам об этом более деликатно, но, полагаю, апартаментов, которые вы арендовали, больше не существует.

Потребовалось некоторое время, чтобы осознать смысл сказанного. Виа Пепоне больше нет? Нет апартаментов?

– Но я говорила с синьорой Франко.

– Лиза, найди какую-нибудь коробку для крысенка, пока он еще чего-нибудь не натворил. Джели не двинулась с места. Это наверняка ошибка.

– Может, я неправильно записала название улицы? – Она старалась не думать о стройплощадке. – Может быть, это...

– Давайте промоем вашу руку. Вы делали прививку от столбняка?

– Что? О да. Я правда очень извиняюсь, что так получилось с котенком. Если бы я его там оставила, он бы непременно умер.

– Поэтому положили его в карман прекрасного пальто? – Ему понравилось пальто! – И часто вы так делаете?

– Постоянно. И использую для этого карманы, сумки и корзину велосипеда. Сестры старались меня отучить, но оставили это безнадежное дело.

– Ваши маленькие подопечные всегда так неблагодарны? – Данте осмотрел рану. Тепло его пальцев просочилось под кожу. Джели забыла о котенке, об апартаментах, вообще обо всем на свете.

Не получив ответа, он поднял глаза, она вспыхнула.

– Животные брыкаются от страха.

Наверху была только одна дверь. Данте повернул ключ в замке, распахнул дверь и отступил в сторону, пропуская ее вперед. Джели не знала, чего ждать, хотя и не особенно задумывалась, пытаясь справиться с эмоциями. Новые места, новые запахи, небывалая реакция на мужчину. Может, это комната для отдыха персонала. Или нет.

За дверью обнаружилась маленькая прихожая с крючками для одежды и подставкой для обуви. Данте повесил ее пальто рядом с поношенной кожаной курткой, открыл внутреннюю дверь в подчеркнуто мужское жилище.

На широких половицах, тронутых патиной времени, лежали ковры из Северной Африки. Картины современных художников оживляли стены яркими всполохами цвета. На полках теснились книги. Дровяная печь наполняла комнату мягким светом и дружелюбным запахом горящих поленьев. Перед ней – огромный старый кожаный диван. Большие круглые подлокотники и толстые мягкие подушки манили уютно устроиться на нем.

– Вы здесь живете?

– Да. Мне говорили, что над своим магазином живут только представители среднего класса, меня это устраивает.

– Ну, это очередная чушь.

– Чушь?

– Полная чушь. Когда-нибудь я буду жить точно в таком же доме. – Джели оглядывалась, рассматривая все в подробностях. – Наверху жилая комната, под ней мастерская, а на первом этаже шоу-рум, хотя мой прадедушка был младшим сыном графа.

– Графа?

Поняв, как претенциозно это звучит, Джели поспешила объяснить:

– Но бабушка ослушалась отца и вышла замуж за простолюдина, так что нас нет в списке рождественских поздравлений его светлости. Как, впрочем, и его в нашем.

– Родители от нее отrekliсь?

– Судя по всему, у них были другие, более послушные дети.

Она никогда ни с кем не делилась подробностями своего происхождения, но ей хотелось дать ему понять, что они ни в грош не ставят свои связи с аристократией. Даже в самом крайнем случае никогда бы ими не воспользовались.

– Узколюбое семейство с кучей секретов – вот источник всех наших проблем. – Данте явно кого-то процитировал.

– Кто это сказал?

– Я только что.

– Нет, я имею в виду... – Он знал, что она имела в виду. – У меня прекрасная семья. – Много лет она состояла из них четверых: сестры Элли и Соррел, бабушка и она. Крепко спаянная дружная ячейка противостояла внешнему миру. Все изменилось в тот день, когда к их крыльцу подъехал незнакомец на фургоне с мороженым. Теперь сестры стали успешными бизнес-леди, вышли замуж и родили детей, а двоюродный дедушка Бэзил, тот самый, который прислал фургон, и бабушка грели старые косточки на юге Франции.

– Вам очень повезло.

– Да. – Если не считать пустоту после смерти матери. И отца, которого она никогда не знала. И целого сонма тетушек, дядюшек и кузенов, с которыми не была знакома. Они тоже не знали ее.

– Ванная комната там. – Данте открыл дверь во внутренний коридор.

– *Il bagno*, – обрадовалась она и пошла за ним.

Его *bango* на языке агентов по недвижимости – ванная в «свободном винтажном стиле». Величественная ванна на ножках в виде звериных лап, блестящие медные вентили, большой унитаз с подвесным бачком и широкая, глубокая раковина-таз были подлинными.

– Я закрою дверь, чтобы вы могли выпустить котенка. Он не убежит.

– Я бы не была так уверена.

Он посмотрел на малыша, тот уже поставил крошечную переднюю лапку на широкий край ванны, протестуя против произвола.

– Забавная мысль.

– Если бы вам когда-нибудь пришлось искать в гостиничном номере котенка, который умудрился пролезть через щель в плинтусе, вы бы знали, как не дать ему убежать.

– Я вижу, ваша жизнь полна перемен, Анжелика Эмери.

– Это какое-то китайское проклятье?

– Насколько я помню, это значит: «Что б ты жил в эпоху перемен». Вы уж простите, если я скажу, что, судя по вашей одежде, вы не похожи на женщину, ищущую спокойной жизни.

– Ну да. Знаете, говорят: «Жизнь коротка. Ешь мороженое каждый день».

– И кто так говорит?

– Розы – наш старинный фургон для перевозки мороженого. Так написано в «*маленькой книжке про мороженое*». Она очень интересная.

– Понятно.

– Здесь важно общее настроение. Вы можете заменить мороженое чем угодно. Любое, что поднимает вам настроение. Шоколад? Вишня? – Никакой реакции. – Сыр? – Джели надеялась, что он засмеется. Или хотя бы улыбнется.

– *Permesso*?⁴ – Он устал смотреть, как она безуспешно пытается дрожащими пальцами расстегнуть рукав.

Ладно, это уже не смешно. Она сдалась и протянула ему руку:

– *Prego*⁵.

Осторожно придерживая манжет, он расстегнул пуговицы, приподнял рукав и, держа ее за запястье, налил на ладонь немного жидкого мыла.

Сердце Джели, и без того заметно частившее, забилося еще быстрее, и, когда она уже собиралась сказать, что так не пойдет, вдруг подумала: «Ну, когда еще такой по-настоящему классный парень будет держать мою руку в своей и...»

– *Dovra venire!*⁶ – пробормотал он, намыливая ей ладонь, когда она не удержалась и тихонько всхлипнула.

– М-м-м.

Данте повернулся, чуть не коснувшись ее губ щекой с едва заметной щетиной.

– Щиплет?

– Нет. Не... не щиплет.

Было совсем не больно, когда он нежными движениями намылил ей кожу между пальцами, вокруг большого пальца и запястья. Беспокойное ощущение сконцентрировалось гораздо ниже. Смыв мыло, он взял с полки пушистое белое полотенце и осторожно вытер ей руку.

– *Va bene*?⁷

– *Va bene*, – повторила она. Очень, очень *bene*. Он был таким изысканно нежным. Таким внимательным.

– Держитесь. Сейчас *будет* щипать. – Он вскрыл антисептическую салфетку.

– Постараюсь не кричать. – Она вцепилась ему в плечо.

Не хватало упасть к его ногам. *Буквально*. Он стоял так близко, что Джели учуяла запах кофе, теплого мужского тела и волос, лежавших на лбу густой шелковистой челкой, сохранившей слабый аромат травяного шампуня.

Данте вскрыл пластырь и осторожно заклеил припухшую кожу.

– Вот и все.

– Нет.

Он вопросительно сдвинул брови. У Джели пересохло во рту. Он прав, ей нужно было за что-то держаться. Слово само сорвалось с губ, хотя мозг заботило то, как удержаться в вертикальном положении.

– Что-то еще?

– Нет. – Просто не хотелось, чтобы все закончилось. – Ничего.

– Нет уж, объясните.

Господи, что она могла сказать? То, что мгновению вспыхнуло в сознании, неприлично, но Данте ждал. Джели небрежно пожала плечами, вдруг он поймет. *Ничего*. Черт возьми, неужели придется объяснять?

---

⁴ Разрешите? (*ит.*)

⁵ Пожалуйста (*ит.*).

⁶ Придется потерпеть (*ит.*).

⁷ Хорошо? (*ит.*)

– *Un bacio?*

– Поцелуй? – повторил Данте, очевидно, не уверенный, хорошо ли она понимает, что говорит.

– *Si*. – Джели прочитала это в итальянском разговорнике. В разделе «Люди», в параграфе «Близкое знакомство», куда более увлекательном, чем покупка билета на поезд.

Там была фраза «*Posso baciarti?*» («*Можно вас поцеловать?*») и другие не менее полезные выражения, например, «*Могу я предложить вам что-нибудь выпить?*», «*Давайте найдем какое-нибудь более спокойное место*» и «*Отстаньте от меня!*».

И не нашлось перевода «поцелуйте его». Возможно, это в разделе «Здоровье».

– Это что, целебное средство? – Данте смотрел с такой неподдельной искренностью, что Джели захотелось провалиться сквозь землю. Уголок его рта дрогнул, и она поняла, что он над ней смеется. Он прекрасно понял, что она имеет в виду. Все будет хорошо. И даже лучше. Этот парень не просто классно выглядит, но и наделен чувством юмора.

– Не просто целебное, совершенно необходимо.

– Простите, не заметил, когда поцелуй включили в список средств первой помощи. – Он с трудом сдерживал улыбку. – Вы не могли бы показать, как это делается?

Показать? При мысли об этом Джели затрепетала от восторга. Конечно, это выходит за общепринятые рамки, но женщина в поисках приключений не должна упускать такую возможность. Съешь свое мороженое.

– Все просто. Вы складываете губы вместе.

– Вот так?

У нее перехватило дыхание, когда он, глядя в глаза, дотронулся губами до раненой руки рядом с тем местом, куда заботливо наклеил пластырь.

– Абсолютно правильно. Я не знаю, почему это помогает.

– Полагаю, это похоже на действие теплого компресса. – И поцеловал еще раз. Ноги совсем обмякли, рука, соскользнув с его плеча, вцепилась в джемпер. Джели почувствовала ровные, спокойные удары сердца, так не похожие на ее частый сбивчивый пульс. – Ну как, достаточно тепла?

Неужели он по-прежнему смеется над ней? Данте не улыбнулся, но его губы оказались ближе. Гораздо ближе.

– Чем больше тепла, тем эффективнее лечение.

– И сколько же тепла вам нужно, Анжелика? – Звук его голоса обволакивал ее, как теплый мед. Глаза смотрели вопросительно, как в первый миг, когда Данте посмотрел на нее и, взяв ее руку в свою, стал водить по карте.

Теперь его рука лежала у нее на спине, поддерживая, губы чувствовали его дыхание. Она подняла руку, которую он поцеловал, провела по его шелковым черным волосам и заметила крохотные золотые искорки в темном бархате его глаз. Искорки, разжигавшие пламя в каком-то первобытном отделе ее мозга.

– *Molto, molto caldo*⁸, – прошептала она и коснулась губами его нижней губы, ощутив языком густой вкус черного кофе. Возможно, так подействовал кофеин, потому что, когда она закрыла глаза, а он шевельнул губами, целуя ее, и стал гладить по голове, тело охватил восторженный трепет, наполнявший теплом и вдыхавший в нее жизнь.

– Э-эй? – раздался откуда-то из золотого тумана голос Лизы. – Все в порядке?

Судя по настойчивости, Джели заподозрила, что Лиза задавала этот вопрос уже не впервые.

Она открыла глаза, Данте, подняв голову, сделал шаг назад.

– Не открывай дверь, иначе котенок убежит, – резко предупредил он.

---

⁸ Намного, намного теплее (*ит.*).

– Хорошо. Я просто хотела сказать, что в шкафу есть антисептические салфетки.

– Я их уже нашел. – Его рука, скользнув по плечу Джели, потянулась к дверной ручке.

Не-е-ет. Но он уже открыл дверь и шагнул в коридор. Оставив ее ждать, когда успокоится дыхание, ноги обретут твердость, а она соберет последние остатки достоинства после того, как бросилась на шею незнакомому мужчине.

Ну, допустим, разыгрался мощный флирт, но инициатива исходила в основном от нее. Данте, понимая, что она не в себе, честно пытался ее успокоить и объяснить ситуацию с апартаментами. Она же вдруг повела себя так, что могла бы дать сто очков вперед любой танцующей бурлеска. Сначала устроила представление, а потом...

Господи, откуда все взялось? Она же совсем не такая.

Когда он объяснил, что она попала на удочку интернет-мошенников, практически набросилась на него. О чем она, черт возьми, *думала*? И что мог подумать *он*?

Нетрудно представить. Наверняка подумал, что она готова на все, чтобы получить ночлег. И кто его обвинит?

А она вообще ни о чем не думала. Сказала себе, что надо ловить момент, жить одним днем, как ее мать. Это сродни прыжкам с парашютом. Прежде чем прыгать, надо научиться приземляться, чтобы не оказалось слишком больно.

Щеки Джели пылали, губы саднило от жара. Намочив уголок полотенца, она приложила его к горящему лицу и на дрожащих ногах опустилась рядом с ванной.

– Мамочка, – шепнула она, опустив голову на колени. – Помогите мне!

Глава 3

*Мороженое дешевле лекарства и продается без рецепта.
(Из маленькой книжки Розы про мороженое)*

Данте вошел в кухню, налил себе стакан ледяной воды, залпом выпил. Единственный эффект – ощущение, что из ушей валит пар. Вполне правдоподобно, судя по тому, как смотрела на него Лиза.

Анжелика.

Ее имя предполагало нечто белое с золотым, как на картинах эпохи Ренессанса. Но у ангелов этой эпохи не было такой фигуры и таких ног. И губ, один поцелуй которых заставил его забыть обо всем кроме одного – обладать ею.

Данте уже больше года не рассматривал женщин в таком смысле, не прикасался с подобной целью, но когда увидел этот алый рот – единственный всплеск цвета на черном фоне одежды, волосы, на фоне которых кожа выглядела никогда не видевшей солнечного света, каждая клетка в его теле встрепенулась.

Темный ангел – это верно.

Чувствуя на себе удивленный неодобрительный взгляд Лизы, он повернулся к ней, давая возможность высказаться. Понимающе усмехнувшись, она отвернулась, к ним наконец присоединилась Анжелика.

– Как он справился? Заработал свою первую звездочку в качестве медбрата?

– Да, и причем золотую. – Анжелика протянула руку вперед, чтобы Лиза могла оценить. На Данте она не смотрела, щеки предательски заалели.

– Ты нашла коробку, Лиз? – резко спросил он.

– У меня есть *вот эта*. Шеф дал мне немного рубленой курятины для Крысенка. Думаю, молоко у тебя найдется.

– Да, но оно холодное. – Он ухватился за этот повод, чтобы отвлечься. – Я поставлю его немного подогреть в микроволновку.

– Спасибо. Вы очень добры, – тихо откликнулась Анжелика и, забрав у Лизы коробку, пошла в ванную. Данте смотрел ей вслед, стараясь не обращать внимания на ее ноги и не думать о том, что хотел бы с ними сотворить.

Он резко повернулся, открыл холодильник, налил немного молока в стакан и поставил в микроволновку.

– Ты закончила в баре?

– На улице сильный снег. Все расходятся. Персонал я отпустила. Что собираешься делать с Джели?

– Делать?

– Это правда, о ее апартаментах?

– Это касается всей Виа Пепоне. Отец снес все еще в прошлом году. Хочет поставить на этом месте стеклянную коробку.

– И это то самое место?

– Да.

– Понятно. И?

– Что – и?

– Что собираешься делать с Джели?

– А почему я должен с ней что-то делать. Может, отец и снес эту улицу, но не обманывал ее, сдавая апартаменты, которых больше не существует. Чего ты от меня ждешь, Лиз? Чтобы я

взял ее и сунул себе в карман, как она своих подопечных? У нас найдется достаточно большая коробка для нее?

– Нет. Но она провела весь день в дороге. Уже поздно, и, если ты вдруг не заметил, на улице идет снег.

– Я заметил.

– И что? Это все, что ты заметил?

– Лиз.

– Ладно, можешь не волноваться. У меня есть для нее комната.

– Комната?

– Четыре стены, потолок, кровать.

– Не надо мне объяснять. Я спрашиваю о другом. Вы с Балдачи живете в квартире с одной спальней, а ваш диван слишком короток для таких ног, как у нее. – Они стояли у него перед глазами. Длинные ноги, короткая юбка, сексуальные сапожки.

– Диван действительно неудачный, зато комната здесь рядом, прямо по коридору. Как раз рядом с твоей.

Ее слова отвлекли Данте от фантазий.

– Это не твоя комната!

– Нет? А чья одежда висит в шкафу? Чьи книги на столе? Бабуля Роза считает, что это моя комната, а значит, дорогой кузен, так оно и есть.

– Бабуля Роза живет на другом конце света.

– В киберпространстве это всего в нескольких секундах отсюда. Ты же не хочешь, чтобы она узнала, что, когда я вызвалась бескорыстно...

– Бескорыстно? *Madonna!*

– ...когда я бескорыстно вызвалась приехать с другого конца света, чтобы привести тебя в чувство, ты палец о палец не ударил отвести меня от Балдачи? – Лиза изобразила, как бабушка плюется при упоминании этого ненавистного имени. – Или как?

– Единственная причина, заставившая тебя приехать, отец Ванни Балдачи, который отправил его в свой миланский офис, чтобы вырвать из лап этих интриганов Веттори.

– Ты глубоко заблуждаешься. Этот милый человек только что прислал мне эсэмэс, сообщая, что привезет мне резиновые сапоги и зонтик.

– Лиза, прошу тебя.

– Бабуля очень волновалась за тебя, Дан. Она чувствует себя ответственной.

– То, что произошло, не имеет к ней никакого отношения. Это я так решил. А от тебя пользы было как от козла молока, – добавил он, прежде чем она смогла повторить, что произошло. С этим покончено. Все. – Единственное, почему я тебя держу, потому что никто больше не даст тебе работу.

Лиза театральным жестом пожала плечами:

– Ну, конечно. Впрочем, если ты так сильно возражаешь против того, чтобы отдать Джели мою комнату, можешь пригласить ее в свою.

– Иди к черту, Лиза, или, клянусь, я сам позвоню Бабуле. Или лучше обратиться к Джованни Балдачи?

– Сколько времени ты ни с кем не спишь, Дан? Пора уже забыть Валентину. Тебе надо снова стать самим собой. Я знаю, что говорю. С той самой минуты, как Джели вошла, ты смотришь на нее, как голодающий на горячий обед. Будь я азартным человеком, поспорила бы, что ты собирался целоваться с ней, когда я вам помешала.

– Я познакомился с ней меньше часа назад. – Он старался не думать о том, что почувствовал, когда Анжелика коснулась языком его нижней губы, и он ощутил ее вкус. Кофе, мед, жизнь.

– Час может стоять целой жизни, когда в тебя ударяет молния. Мне хотелось содрать с Ванни одежду с той минуты, как его увидела.

– Я не намерен пользоваться тем, что девушка попала в беду.

– Даже если она сама хочет, чтобы ты этим воспользовался? Она смотрела на тебя с большим интересом.

– Даже тогда. – Он старался не думать о том, как ее алый рот шептал «*caldo*», дыхание касалось его губ, а она прислонялась к нему.

– Черт возьми, какой же ты все-таки англичанин, хотя и в итальянской шкуре. Всегда безупречный джентльмен. Никогда не выдашь своих истинных чувств, даже если девушка пройдет по тебе дизайнерскими шпильками.

– Валентина всегда знала, чего хочет. Это я сменил ориентиры.

– Не будь благородным идиотом. Влюбляются в человека, Дан, а не в шикарный пентхаус или виллу на озере Комо. С Ванни я согласилась бы жить даже в пещере.

– Тогда расскажи все родителям, пока эта бомба не рванула у вас в руках. – Он уже испытал нечто подобное на собственной шкуре. – Этого не избежать, Лиз.

– Нет. Черт бы побрал эту дурацкую вражду. Поступай, как хочешь. Желаю удачи в поисках отеля, куда ее пустят с Крысенком. Думаю, Джели может снова сунуть его в карман и пронести.

– Ты закончила?

– Но это лишь временное решение. Завтра на ярмарке все будут говорить о том, что произошло в баре.

– Завтра на ярмарке все будут говорить про снег.

– Снег бывает каждый год, а женщина, привлекающая всеобщее внимание, в сочетании с таким феноменом, как смеющийся Данте Веттори, плюс Крысенок? Тут есть о чем поговорить.

– Лиз, – угрожающе произнес он.

– Не бери в голову. Я уверена, тебе есть о чем подумать.

– Тебя же не интересует, что я думаю.

Она усмехнулась:

– Я точно знаю, о чем ты подумал, и не только ты, но и все мужчины в баре, когда она вошла, вся в снегу. Серьезно, Дан, я не знаю, нужна ли ей работа, зато наверняка понадобится место, где она сможет выставить свои изделия, и ее присутствие в баре пойдет на пользу бизнесу.

– Это все, наконец?

– Еще один совет. Поторопись, иначе окажешься в хвосте длинной очереди. Ты не забыл, что обещал ей ужин? У тебя есть здесь что-нибудь, или мне посмотреть в холодильнике?

– Запри все и отправляйся домой.

– О'кей. Кстати, я принесла чемодан Джели. Он у нее в комнате.

– *Basta! Andare!*

– И еще у тебя помада. Вот здесь.

Джели трясущимися руками зачерпнула крохотную порцию рубленой курятины и дала ее котенку. Дрожа всем телом, опустилась на колени рядом с ванной, положила подбородок на руки и стала смотреть, как малыш заглатывает еду. Она пыталась понять, что должно волновать ее больше: поцелуй с едва знакомым мужчиной или несуществующая квартира, за которую она заплатила кругленькую сумму.

Пожалуй, квартира. Да, это же очевидно.

Элли наверняка ужасно разозлится, когда узнает о такой беспечности. Вскоре после смерти матери бабушка потеряла все, кроме крыши над головой, поверив мошеннику. Если бы

не старшая сестра, пожертвовавшая всем, чтобы заботиться о них, они с Соррел оказались бы в приюте.

К счастью, сейчас ее отделяла от сестер Франция и Швейцария. Если не расскажет о том, что случилось, они никогда не узнают, в какой переплет она попала.

Остается поцелуй. Ну, просто смешно. Это не первый поцелуй в ее жизни. Однако в какой-то момент возникло ощущение, что она стоит на пороге чего-то необычного, способного изменить всю ее жизнь.

Она прислонилась к краю ванны и, наблюдая за котенком, вдруг вспомнила тот момент, когда застучала сестру, собиравшуюся поцеловать Шона МакЭлроя. Их близость и то, как они впились друг в друга глазами, напугали ее. Элли стала для нее и матерью, и отцом, и старшей сестрой, и нянькой, и вдруг ее вниманием завладел какой-то чужой мужчина.

В тот миг, когда рука Данте легла ей на талию, а губы оказались в миллиметре от ее рта, Джели поняла, что чувствовала Элли. Почему так дрожала. На миг она почувствовала себя совершенно беззащитной.

– Извините, что задержался с молоком. Мне надо было сказать Лизе, чтобы она все заперла. – Данте не присоединился к Джели, оставаясь на некотором расстоянии.

И слава богу! Ей очень хотелось, чтобы он опустился на колени рядом с ней, но вряд ли это хорошая идея.

– Мы доставляем вам столько хлопот. – Она не сводила глаз с котенка, тот залез в блюдце и начал неловко лакать молоко.

– Теперь он выглядит лучше.

– Он высох и немного распушился, но еще не научился умываться. – «Говори бесстрастно. Говори про котенка». – Он еще слишком маленький, чтобы жить без матери. Завтра утром я отнесу его туда, где нашла, и постараюсь отыскать ее.

– И вы думаете, у вас получится?

– Обычно получается. – Джели погладила котенка по голове. – Так же, как мое бегство в Изолю.

– Бегство? И от чего же вы бежали?

Она подняла на него глаза. Данте нахмурился, явно беспокоясь.

– Всего лишь от жизни в маленькой деревушке, – поспешила объяснить Джели, пока он не начал гадать, из какой психушки она сбежала. – От опеки. Я почти поддаюсь соблазну смириться с реальностью и стать креативным директором маленького кафе-мороженого моих сестер. – Она притворно передернулась. – Можете себе *представить*? Все такое *розовое*!

Данте засмеялся.

– Вот видите. Вы познакомились со мной всего полчаса назад, но даже вы понимаете, что это смешно.

– Я бы сказал, это не совсем вам подходит.

– Спасибо, Данте. Более приятного комплимента и не придумаешь. – «*Забудь про этот поцелуй*». – И еще спасибо, что были так деликатны, сообщив новости про мои апартаменты.

– Мне хотелось точнее все выяснить, прежде чем расстраивать вас. Вы могли что-то напутать с адресом.

– Но вы поняли, что это не так.

– Да. Ваша карта устарела. Если бы вы пошли по тому адресу, который вам дали, оказались бы на стройплощадке.

– Так и было, – призналась Джели. – Лиза права, говоря, что вы знаете Изолю как свои пять пальцев.

– Я провел здесь почти все детство, но она быстро меняется. Мы боремся, чтобы сохранить то, что осталось.

– Вы уж меня извините, но хотелось бы, чтобы вы боролись несколько упорней. – Он вздрогнул, или ей показалось, но Джели поняла, что сказала что-то не то. – Извините. Это не ваша вина.

– Вот, возьмите. На этом Крысенку будет уютней. Когда он утомится, можете перенести коробку к печке.

Она взглянула на полотенце, которое он сунул ей в руки, потом туда, где еще секунду назад стоял Данте Веттори.

Что она такого сказала?

Данте стоял неподвижно, если не считать руки с деревянной ложкой, которой он помешивал что-то на сковороде. Свет, отражавшийся от массивного стального корпуса наручных часов, действовал гипнотически. Джели могла бы наблюдать за ним бесконечно.

– Ну как, успокоился?

– Спит и видит сладкие сны. У котов в жизни все так просто. – Джели протянула листок об аренде, который так усложнил ее собственную жизнь.

Данте увернул огонь и взял листок.

– Никакой ошибки быть не может.

– Да, но у меня телефон синьоры Франко. – Джели сжимала в руке мобильник, по которому только что звонила сестрам, сообщая, что добралась благополучно. – Если я ей позвоню, вы сможете с ней поговорить?

– Конечно.

Казалось, она целую вечность ждала соединения. Трубку так и не взяли.

– Не отвечают?

– Сообщение было на итальянском, но «абонент недоступен» звучит одинаково на всех языках.

– Анжелика, скажите, откуда у вас такое потрясающее самообладание?

На мгновение она задержала дыхание и медленно выдохнула:

– Самообладание?

– Я знаю не многих женщин, да и мужчин тоже, которые, узнав, что их обманули с жильем, не стали бы швыряться чем попало.

– О-о! Я не выхожу из себя.

– Как вам это удастся? Может, поделитесь своим секретом с Лизой?

– Могу предложить йогу. Главное – правильно дышать.

Данте снова повернулся к плите и молча стал очень медленно помешивать соус.

Проклятье, она его совсем не знает. Может, он и жалел, что целовался с ней, но проявлял доброту, хотя совсем не обязан. Не кричал на нее, не вышвырнул вон вместе с котенком, после того как они устроили в кафе такой переполох.

Джели сделала вдох, как предписывает йога.

– Я много плакала, когда умерла мама. У меня возникли проблемы в школе, а сестры расстраивались, потому что ничем не могли помочь. – Она никому об этом не рассказывала, и теперь ее слова звучали тихо и отрывочно. – Я хотела остановиться, но не знала как.

– Сколько вам было лет?

– Восемь. – Оставалось два дня до ее девятого дня рождения.

– Восемь? – Данте резко обернулся. – *Madre de Dio*.

– У нее был рак. Очень агрессивная форма. Диагноз поставили, когда ей оставалось жить всего несколько недель.

– *Non c'è niente che posso dire*, – сказал он. И повторил по-английски: – Я не знаю, что сказать.

– Здесь нечего сказать. Никакие слова, даже целое море слез, ничто не может изменить того, что случилось.

– Значит, вы перестали плакать, когда поняли, что это ничего не изменит?

– Данте, мне было восемь лет! – Какое там самообладание.

– Тогда что? Вы были слишком маленькой, чтобы философствовать, но с вами явно что-то произошло.

– Что? О, да. Моя бабушка нашла на чердаке старую черную шляпу. С широкими полями, вязанную крючком. Что-то из шестидесятых. В свое время бабушка была иконой стиля.

– И это помогло?

– Она сказала, если мне станет грустно, я могу спрятаться под ее полями. – Она до сих пор помнит, как впервые надела эту шляпу. И почувствовала, будто гора упала с плеч. – Это был способ показать всем, что я чувствую, без красных глаз и соплей. И всем стало легче жить. Я носила ее, пока не успокоилась.

– А потом?

– Нашла черную шапку в благотворительном магазине. И черное платье. Оно было мне велико, но бабушка помогла его ушить. А когда мне исполнилось двенадцать, я покрасила волосы.

– Позвольте, я угадаю. В черный.

– На самом деле получилось больше похоже на зеленый, но бабушка отвела меня в парикмахерскую, и они покрасили меня, как надо. – Воспоминание о том, когда она увидела себя в зеркале, заставило улыбнуться. – Сестры пришли в ярость.

– Из-за цвета или зависти?

– Из-за того, что бабушка потратила все наши деньги на то, чтобы избавить меня от кошмарной участи идти в школу с зелеными волосами. Они считали, что важнее купить еды.

– Голод имеет тенденцию укрощать нрав. А где был ваш отец? – спросил он, протягивая ей бокал.

– У меня нет отца. Ни у одной из нас нет.

Его брови слегка приподнялись.

– По-моему, это невозможно, если, конечно, я не пропустил какой-то скачок в эволюционном развитии.

– Конечно, с точки зрения физиологии вы правы, но, хотя моя мать любила детей, она не хотела, чтобы у нее под ногами болтался мужчина, у которого портится настроение, если вовремя не готов обед. – Джели взяла бокал и тоже прислонилась к буфету. Стоять рядом с ним казалось проще, чем смотреть на него. – Брак мамы нельзя было назвать счастливым. Я думаю, в первый раз она забеременела случайно, но потом, как только на нее нападала задумчивость, она делала себе инъекцию спермы какого-нибудь понравившегося парня. К нам каждую весну приезжают туристы, посмотреть ярмарку. Наши отцы оказывались за пределами графства еще до того, как формировалась оплодотворенная ими яйцеклетка.

– Она вела опасную жизнь.

– Она жила одним днем.

– «Бери, что хочешь, – говорит Господь, – бери и плати за это». – Данте искоса взглянул на нее. – Это старая испанская поговорка. Итак, какого цвета у вас волосы?

Джели взяла в руку прядь, посмотрела на нее, а потом на него:

– Черного.

Он улыбнулся, и Джели стало теплее. Не только от вина.

– Как вы нашли ее? Я про квартиру.

– Что? А-а, по Интернету. – Ему не пришлось говорить, что он об этом думает. Дрогнувший уголок его рта сказал ей все. – Объявление какого-то международного агентства. Там есть даже отзывы предыдущих жильцов. Некоторые в полном восторге от квартиры и не могут

дождаться, когда снова туда вернуться, кто-то жаловался на жару и отсутствие кондиционера. Все выглядело совершенно естественно. Я вам покажу. – Она набрала ссылку на смартфоне.

Как и номер телефона, ссылка оказалась недоступной.

До этого момента она не верила, что ее надули. Считала, что произошла ошибка. Зато теперь почувствовала, как из легких высосали весь воздух. Колени подогнулись. Данте едва успел ее подхватить и, забрав бокал, прижал к груди.

Его рука обнимала ее. Джели почувствовала почти непреодолимое желание не двигаться, позволить ему обнимать себя, успокаивать. Но нет, сегодня она один раз уже повела себя как дура. Джели вздохнула, расправила плечи и сделала шаг назад.

– Вы в порядке? – Данте продолжал поддерживать ее.

– Все нормально. Правда.

Он с сомнением посмотрел на нее.

– Когда вы последний раз ели?

– Не помню. Купила сэндвич в аэропорту, когда объявили, что вылет задерживается.

– И все? – Он испугался. – Неудивительно, что вас шатает. Посидите, пока доварится паста. Еще пару минут. Ничего особенного, *pasta al funghi*. Паста с грибным соусом, – добавил он на случай, если ее итальянский не дотягивает.

– Не сомневаюсь, что это очень вкусно, но не смогу есть. Честно. – Он не стал спорить, просто достал из буфета две тарелки. – Апартаменты выглядели так красиво, и плата вполне разумная. – *Глупо, глупо, глупо!* – Я решила, это потому, что сейчас зима, не сезон, но теперь понимаю, это ловушка для дураков. – Сколько раз Элли пыталась вбить ей в голову, если что-то выглядит слишком хорошо, то... Но она была слишком очарована.

– Вы давали им данные своего банковского счета?

– Что? Нет. Я заплатила за аренду прямым дебетованием. – Когда до нее дошло, о чем он спрашивал, она моргнула, посмотрела на смартфон и торопливо ввела пароль.

Увидев баланс счета, почувствовал, как кровь отхлынула от головы.

Глава 4

*Когда кому-то плохо, пошлите за мороженым. С горячим сливочным соусом, карамельной крошкой и мини-зефирчиками.
(Из маленькой книжки Розы про мороженое)*

Madonna!

Данте успел подхватить Джели до того, как она упала, и перенес в гостиную. Осторожно положив на диван, опустился рядом на колени и подождал, пока она не открыла глаза.

Какое-то время Джели бессмысленным взглядом смотрела перед собой, не понимая, где находится и что с ней.

– Анжелика. – Моргнув, она пришла в себя и, увидев его, попыталась сесть, но Данте положил ей руку на плечо. – Подождите встать. Дышите.

Она и раньше казалась ему бледной, но сейчас побелела как снег, на этом белом фоне особенно ярко выделялись большие серые глаза и соблазнительный алый рот.

– Что случилось?

– Вы потеряли сознание.

– Господи, как глупо.

– Это шок в сочетании с голодом, – предположил Данте, а когда Джели снова попыталась сесть, добавил: – Нет. Лежите. Я принесу вам воды.

– Данте, – она хотела возразить, но снова опустилась на подушки, – почему вы зовете меня Анжелика?

– Джели не подходит для взрослой женщины.

– Но... Ладно.

Убедившись, что она не собирается встать, Данте пошел на кухню за водой. Увидев мобильник на полу, поднял его и, взглянув на экран, понял, почему она упала в обморок. Мошенники полностью опустошили ее счет.

Возвращаясь, он ожидал увидеть ее сидящей и раздраженной, но она по-прежнему лежала, прикрыв глаза рукой. От этого ее мини-платье задралось выше, еще сильнее открыв ноги. Данте засомневался, отдать воду ей или вылить себе на голову.

– Вот, выпейте немного.

Джели убрала руку и, повернув голову, посмотрела на него:

– Похоже, сегодня ваши навыки оказания первой помощи подверглись серьезному испытанию.

– Кажется, я немного оплошал с лечебными поцелуями. Но хорошо помню, что при обмороке надо положить больного так, чтобы ноги были выше головы.

– Золотая звездочка. Как я и говорила.

– Не спешите. – Рука Данте скользнула ей под плечи, поддерживая, другой рукой он понес стакан к ее губам.

– *Si dottore.*

Ей даже удалось улыбнуться, что в данных обстоятельствах можно считать проявлением мужества. Правда, это привлекло неуместное внимание к губам. Его охватил почти непреодолимый соблазн проверить, насколько поцелуй улучшит ее самочувствие. Что это он там говорил Лизе? Что не воспользуется?

Поставив стакан на край стола, Данте для большей безопасности пересел к ее ногам, взял за лодыжку и потянулся к молнии сапога.

– Что вы делаете?

– Снимаю с вас сапоги. Разве вы не обучены этому на уроках оказания первой помощи?

– Конечно, обучена. Это шло сразу после лечебных поцелуев. Кстати, мне показалось, вы прогуляли тот урок.

– Тут достаточно здравого смысла. Без сапог все чувствуют себя лучше.

– Это верно. – Она вытянула ногу, пошевелив длинными пальчиками.

Нет, с ней невозможно чувствовать себя спокойно. Данте торопливо снял с нее второй сапог и отступил:

– Вот и все. Можете садиться, если в состоянии.

Она подвинулась на край дивана, одернула юбку и спустила ноги:

– Где мой телефон? Я должна позвонить в банк.

Вытащив из кармана мобильник, он протянул его Джели.

– Вы видели? – спросила она.

– Да, когда поднимал его. Они возместят вам?

– Только не задаток и стоимость аренды за первый месяц. Я сама отправила им платежное поручение, так что с их точки зрения это законное списание. Остальное очевидное воровство, и я смогу вернуть деньги когда-нибудь потом. После того, как они сделают все, что смогут, чтобы доказать, что я сама виновата. – Она подняла на него глаза. – Данте.

– Анжелика?

– Спасибо. Что не дали мне упасть.

– Всегда к вашим услугам.

Он заметил, как шевельнулся черный кулон у нее на шее, когда она нервно сглотнула.

– Вы просто молодец, а я круглая идиотка.

– Вы не единственная, кто попался на подобную удочку.

– И это ничуть не умаляет моей глупости. Надо было как следует все проверить, но мы нашли желающих снять наш дом, и я поторопилась.

– Вы сдали в аренду ваш дом в Англии?

– Да. – Она не могла вернуться домой, даже если бы захотела. – Сестры съехали, когда вышли замуж, в доме остались только я, бабушка и дедушка Бэзил. У бабушки артрит, и Бэзил сказал, что на зиму ее надо увезти туда, где теплее, поэтому мы решили сдать дом.

– А вам не терпелось скорее сбежать от этого ужасного бело-розового кафе-мороженого.

– Не надо смеяться над ним. Мороженое дало нашей семье средства к существованию.

А живопись и дизайн, скажем прямо, никогда не считались надежными профессиями.

– Мы делаем то, что приходится делать.

– Да.

Оставив ее говорить с банком, Данте вернулся на кухню. Если поставить перед ней еду, она, может, и соблазнится. Он вернулся с подносом, где стояли две порции *pasta funghi*, пара вилок и салфетки. Она сидела и смотрела на огонь.

– Выяснили? – К его удивлению, она улыбнулась. – Что?

– «Выяснили». Вы типичный итальянец, а по-английски говорите, как на родном языке. Это так странно звучит.

– Ничего странного. Моя мать англичанка.

– Тогда понятно.

– Уйдя от отца, она увезла меня в Англию и заявила, что до самой смерти не произнесет ни слова по-итальянски.

– Вам, наверно, пришлось несладко.

Пожав плечами, Данте ничем не выдал то, что чувствовал в первое бесконечное сырое и холодное английское лето, когда его вынудили говорить на чужом языке. Чтобы усмирить его либидо.

Глаза Джели потеплели.

– Сколько вам было лет?

- Двенадцать. Почти тринадцать.
- Сложный возраст.
- А бывает не сложный?
- Думаю, даже если не считать, что вы лишились своего дома и языка, развод родителей тяжелый удар.
- Моя мать была очень зла, обижена. Она узнала, что отец завел роман с женщиной, которую она считала своей лучшей подругой, и предложила мне выбор: уехать с ней или остаться в Италии.
- Вы выбрали ее.
- Ей я был нужен больше, чем ему. Ешьте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.